

ГОНТ

Газета о нашей гимназии

15 марта 2000г. №8(21)

Учитель тоже человек

"Темперамент под пиджаком"

Каждый учитель всю мою былую жизнь казался мне никогда не спящим человеком с железной нервной системой, строгим взглядом, заимствованным мною у воображаемого следователя НКВД. Этот образ сложился, наверное, от старых дедовских и прадедовских фотографий. На одних благородные лица классных дам, а на других – физиономии матерых стерв-

училок, описанных на страницах задачников Остера, а также описываемых сегодня, быть может, и сейчас, на свежепокрашенных плоских поверхностях гигиенических заведений, непременно присутствующих в школах на каждом этаже в разных концах по штуке. Со временем я перестал смотреть на учителей, как на что-то особенное, они превратились просто в людей, имеющих разное настроение, в соответствии с которым нужно на ходу менять свою внешнюю политику, учитывая их характер и темперамент.

Леонид Александрович носит под неременным пиджачком темперамент, не всегда там помещающийся, часто произвольно вырывающийся наружу, что сопровождается утробным рычанием его обладателя. А уж если сам хозяин его выхватывает, то боясь оказаться рядом – зашибет, наорет, задавит, еще и лапу так наложит – свету не взвидишь. Но ничего – жилец 25 кабинета отходчив...

М.Ш.

"Человек с бородой"

Как-то я сидел на уроке физики, и Дмитрий Юрьевич бросил фразу, что "человек с бородой" поставил ему когда-то тройку по истории. Я очень удивился. Оказывается, руки Леонида Александровича простирались даже над отроцеством бородатого ныне Дмитрия Юрьевича.

Когда я был в младших классах, я думал, что Кацва – ругательство, позже я понял, что это ругательство, применяемое только к одному человеку в нашей школе, и насколько я был удивлен, когда узнал, что это его фамилия. Для меня Леонид Александрович был всегда фигурой демонизированной; зная его лишь по рассказам других, встречая иногда в коридоре, я считал его монстром, страшным драконом, единственным призванием которого является усмирение маленьких детей.

Дмитрий Юрьевич внешне являет полную противоположность Кацве.

Он полный, а не худой; рыжеватый, а не черный; носит кофту, а не пиджак. Но у обоих достаточно необычная внешность и еще более необычный характер.

Большинство учеников побаивается Леонида Александровича, в то время как с Дмитрием Юрьевичем общается свободнее и раскованнее. Ведь многие боятся не сделать задание Кацвы, потому что тогда будет ЧТО-ТО.

У Королева совсем другая система. Сначала она мне показалась совершенно бездейственной и слишком гуманной. На самом деле выяснилось, что если хочешь получить четверку в четверти по физике, надо непременно знать ее на эту четверку. Это я понял, просиживая по 2–3 часа на дополнительных.

После первого личного знакомства с Леонидом Александровичем у меня сложился образ человека говорящего очень низким голосом, движения которого

кажутся отрепетированными заранее, более похожего на робота или машину. Но познакомившись с ним ближе, я изменил свое мнение. Нет, я не буду говорить, что он только с виду такой страшный, а на самом деле белый и пушистый. Просто выяснилось, что он может назвать меня по имени, может говорить нормальным голосом (помню, в 4 классе Кацва читал нам лекцию про Ивана Грозного, сидя рядом со мной, потрясая меня своим громовым голосом – я очень испугался).

Дмитрий Юрьевич тоже произвел на меня обманчивое впечатление. Сначала он мне показался весельчаком, для которого обучение его подопечных представляет далеко не самую главную задачу. Позже я понял, что это совсем не так. Я увидел в нем достаточно серьезного человека. Его волновали наши реальные знания, а не то, насколько удачно удалось списать...

М.Б.

Две планеты нашей Солнечной системы

Часто можно услышать, проходя по унылому первому этажу, громкие баритональные возгласы или даже крики. Это Волохов А.Ю. рассекает сонное пространство школы семимильными шагами. Совокупность голоса, высокого роста и энергичной жестикуляции производит впечатление весьма внушительное. Словно

ветряная мельница проносится мимо. Видя жизнерадостность и веселость Александра Юльевича, свойственную лишь учителям физкультуры, я невольно связываю его образ не с 9 кабинетом, а со спортивным залом. Его стройно-атлетическую фигуру чаще всего я встречаю именно там. Ему, наверное, надо было стать учителем

физкультуры, а не коллегой Ньютона. Хотя его лицо с добрыми выразительными глазами, маленькой, аккуратно подстриженной бородой и усами неплохо смотрелась рядом с Резерфордом и прочими светилами физики. Вообще я учился у него год и успел неплохо полюбить его как учителя.

Частенько, рассматривая карту планет в углу кабинета, я думал, что Солнечная система похожа на нашу школу. Вот наше Солнце — Юрий Владимирович, а вокруг него по своим профессиональным орбитам кружатся планеты-учителя. Ярко-красный Марс — это Л.А.Кацва; темно-зеленый, с оттенком болотной тины Уран — Сергей Менделевич; теплая, домашняя Земля — наша классная руководительница; громадный, всепоглощающий Сатурн — это Лариса Давыдовна. Планеты притягивают и передают свою энергию разным инородным телам, т.е. ученикам, которые пока не приобрели своего неповторимого облика. Иногда они слишком близко приближаются к источнику знаний — и сгорают в его накаленной атмосфере.

В нашей солнечной системе года два назад появилась новая планета — Дмитрий Юрьевич Королев. На доверчивый, ожидающий от мира доброты и нежности гуманитарный класс Д.Ю.К. произвел наиприятнейшее впечатление. Он не блистал, как Волохов, энергией и ростом; внешность его говорила, что человек он добрый, веселый и уравновешенный,

спокойный.

Если Королева и Волохова поставить рядом и, попросив описать "Последний день Помпеи", исключить звук, то по мимике А.Ю. можно будет догадаться, что такое Армагеддон, а выражение лица Д.Ю. будет такое, словно он рассказывает, что он ел сегодня на завтрак.

По школе Д.Ю. передвигается совсем не так, как А.Ю.: не успеете вы ему и "здрасьте" сказать, как он уже исчезает за железной дверью лаборантской. А Волохов "мимо тещинного дома без шуток не ходит", кого за ухо потянет, кого пол-

минуты за руку трясет, — общительный человек, разговорчивый. Зато Королев — единственный учитель в школе, к кому и двоечники, и троечники, и другие почетные гимназисты, можно сказать, с улыбкой на лице идут на дополнительные. Вот и Пушкин о Д.Ю. написал:

Учил его всему шутя,

Не докучал моралью строгой.

Королев не заставляет нас учиться, не следит за дисциплиной, не держит нас в ежовых рукавицах, не выгоняет из класса, прося познакомиться с главными и святыми критиками нашей учебы — родителями, но делает так, чтобы мы сами поняли: либо учиться на "три" и "не дружить" с ним, либо иметь стабильные "четыре" и "пять" и уважать его, т.е. не считать его урок передышкой перед немецким языком...

В.З.

Продолжение

Первое, что всегда бросается в глаза, когда начинаешь учиться у Леонида Александровича, — это трогательная нежность, даже любовь, к школе. Проявляется это в таких мелочах, как, например, его постоянная забота о своей

обители — 25 кабинете. Но это не простой аккуратизм и любовь к порядку, как может показаться с первого взгляда, а именно нежность: достаточно всмотреться в то, как он каждый раз поправляет парты, моет меловые тряпки. Даже активно

высмеиваемые всеми без исключения учениками гимназии его требования предъявить сменную обувь – искренняя забота о нас, неблагодарно на нее отвечающих...

Безусловно, об учителе многое говорит его кабинет. Светлый, уютный двадцать пятый со знаменитым запахом свежесваренного кофе, придающим столь нужную бодрость утром и обостряющим ненужное чувство голода днем, выгодно отличается от кабинета физики, напоминающего холодный склеп. Многочисленные портреты знаменитых ученых, к которым бесполезно взывают несчастные ученики на контрольных; черные шторы, не пропускающие солнечные лучи; разрисованные

нежно-розовые розетки, в которых зияют бездонные черные дыры – все это создает определенное представление и об учителях физики. Вопреки ожиданию, Дмитрий Юрьевич при виде нашего класса почему-то расплылся в улыбке, которая и сейчас никогда не сходит с его лица. Впрочем, даже недовольство он выражает улыбкой, чем обманывает доверчивых учеников. Этим Королев отличается от Кацвы, который улыбается почти ехидно, но это вовсе не значит, что у него созрела коварная мысль. Когда Леонид Александрович улыбается, у гимназиста появляется ощущение, что он говорит несусветную чушь, так забавляющую учителя....

М.Б-я

Рубрика: Проба пера

Рецензия на рассказ И.С.Тургенева "Первая любовь"

Ура, ура, господа! В этом месяце впервые опубликована новая повесть господина Тургенева "Первая любовь" в любимой и почитаемой многими "Библиотеке для чтения". Наверное, именно так могли начинаться иронические рецензии литературных критиков в 1860 году. Писателю пришлось услышать многочисленные упреки в том, что он сделал достоянием публики семейную драму своих родителей, в безнравственности выбранного сюжета, рассчитанного на эффект. Известный критик Добролюбов давал ироническую характеристику образу Зинаиды, а Писарев тоже так и не смог понять его до конца. Однако, сам Тургенев писал, что он не придумывал повести, а она была дана ему всею жизнью. "Я не хочу лгать, никогда я не смог бы ее уничтожить." Так дорога

была автору эта вещь.

Итак, в путь, читатель двадцать первого века.

Попробуем разобраться, почему уже почти 150 лет люди читают эту повесть, и что-то притягивает к ней нас, раз мы не откладываем книгу, а с невольным волнением в душе дочитываем ее до последней страницы.

Несмотря на то, что сия рецензия должна быть оригинальной, скажу, что, к моему удивлению, "Первая любовь" мне понравилась. Понравилась прежде всего тем, что приятно обманула мои ожидания.

Я, честно говоря, не очень люблю, а может быть, не очень еще понимаю произведения, где мало действия, но присутствует огромный поток сентиментальности, вздохов, чувств и страданий. Услыша название, я подумал именно о таком рассказе, но, к счастью, ошибся. Сперва, более всего меня увлек характер главного героя — шестнадцатилетнего Володи, "месье Вольдемара", как называла его Зинаида. Он очень трогательно чувствителен, порой наивен. Даже став "сорокалетним черноволосым человеком с проседью", он сохраняет теплое и нежное воспоминание о первой своей любви. Читатель легко может ощутить тайную "бурю" эмоций, захватывающих главного героя, и сердце его [читателя] также замирает и трепещет. Приехав на дачу, Владимир считал себя самостоятельным, вольным и свободным от всего: от родителей, от учителей, от любви в том смысле, в котором он ее понимал. Но секундная встреча глазами с нежной юной Зинаидой, и герой загорается любовью к ней. Его жизнь круто меняется. Он сам это замечает, хотя и не понимает, что с ним.

"Как бы с ними познакомиться?" — было его первой мыслью. Теперь и отныне все его существование было сладко отравлено ею, все мысли — о ней, из-за нее он испытывает жесточайшие муки любви, не знакомые ему доселе. В повести очень тонко и ярко передаются симптомы страсти молодого героя. Я, например, очень живо себе представляю, как внутренне мучительно-напряженно, и в то же время внешне свободно происходили разговоры Владимира с Зинаидой, как он плакал, уткнувшись в подушку, как бегал ночью в саду с ножом.

Любовная линия отношений двух героев, как может сначала показаться, существует лишь в пылкой душе юноши, но это совсем не так. Образ Зинаиды, наверное, самый загадочный в этой повести. Она прекрасна, весела, беззаботна, несмотря на свою бедность. Она флиртует с молодыми людьми, заставляет влюбиться в себя шестнадцатилетнего юношу — все прекрасно и романтично, как вдруг она снова несчастна и печальна. Она треплет несчастного влюбленного за волосы, а потом покрывает поцелуями его испуганное лицо. Можно подумать, что существуют две Зинаиды: одна весела и счастлива, другая, мучимая тайными страстями, томна, несчастна и печальна. Первая манит за собой, и Владимир готов умереть за нее.

Но все же иногда нотки грусти прокрадываются в их странные отношения: то ли ребенка и матери, то ли раба и

госпожи. Весьма скоро читателю становится понятно, что наш "le page" видел лишь часть жизни своей любимой. У другой же Зинаиды в душе существует еще один странный тайник, где нет ни Малевского, ни Беловзорова, ни Вольдемара, вообще нет никого из тех героев, с которыми читатель уже познакомился. Я был потрясен, прочитав фразу: "...Показался человек... боже мой, это был мой отец". Если до этих строк я еще хоть немного имел надежду в дальнейшем разгадать характер ветреной красавицы, то теперь это стало невозможным, я просто НИЧЕГО не понимал. Я был удивлен внезапным, таинственным вступлением на первый план фигуры отца.

Прочитав его "внесценическое" описание (сын почитал отца за идеал мужчины, восторгался им), я решил для себя, что его образ нужен лишь как фон, как мелкая деталь. Но я ошибся. В литературе это называется совмещением пространств. Отец, которого знал Владимир и прежде, появился теперь в новом, весьма неприятном и непостижимом для сына качестве — соперника. Здесь, на этом рубеже, в рассказе наметились некие два мира: мир мечты и грез Владимира, где

были обозначены четкие критерии рая: быть с любимой, быть рядом с отцом и матерью, которым, впрочем, почти не было дела до его жизни, и внезапно возникает другой мир: отгороженный от героя пеленой неясности, страха, чего-то такого волнующего, таинственного и рокового, полного ревности и тоски. Там Зинаида не смеется, а плачет, там она проводит время с его отцом, там почему-то Лунин с Малевским советуют ему избегать дом Зинаиды, там отец ссорится с матерью, и, наконец, там в неясном тумане рука отца, которая наносит резкий удар по обнаженной до локтя женской руке.

Оказалось, что мир реальный не только таинственен, но ужасен и жесток. Но в этом "детском кошмаре" все же была любовь. И лишь тогда наш герой повзрослел, когда осознал, что все что было там, на даче, было сон и мечта, а здесь есть только какая-то взрослая любовь, ради которой стоит жить, но ради которой придется и умереть.. Отец Владимира умирает со словами: "... бойся этого счастья, этой отравы", — а через четыре года умирает и Зинаида.

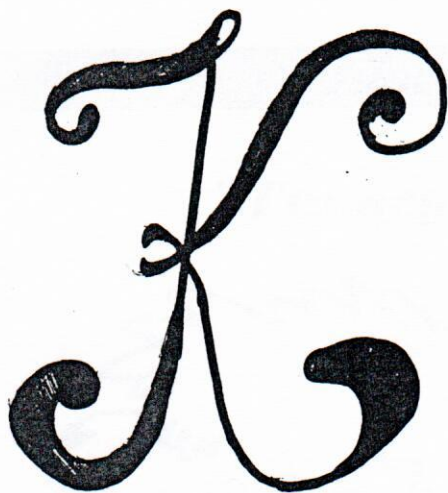
Я уже, можно сказать, волшебным представил себе, как они встретятся через много лет, бывшая госпожа и ее добровольный раб любви, но Тургенев не дает им повстречаться. Он обрывает сюжетную линию, и дальше... новая страница жизни Владимира, нам уже неведомая.

Мне кажется, я понял, что только здесь, в ауре "первой любви", начинается череда встреч, разлук, поступков, расставаний, которые сопровождают человека всю жизнь, но — забыть свое первое чувство ему не дано, какой бы болью оно не отозвалось в его сердце. Та взрослая жизнь, о которой лишь намекает Тургенев, мне не понятна, но я думаю, что люди ссорятся, ревнуют и страдают — значит живут, живут не для того чтобы есть и спать, а для того чтобы дышать, думать и любить.

В.Замский

Наш конкурс **Сделайте "Тонг" своими работами** **интереснее**

Гимназисты! Обратите внимание на то, что конкурс "Рассказ на букву"К" продолжается. В этом номере напечатан один из рассказов на конкурс, написанный Спивак Марьяной, в котором **127 слов**, начинающихся на букву "К". Кто больше?

ак-то красивый коренастый ковбой-конокрад косолопо ковылял к кирпично-красному колончатому кооперативу, кропотливо конспектируя корявые комбинации каких-то копьеобразных колонтитулов, которыми красовался клочок крашеного, конфискованного контракта, кропленного кровью конкурентов. Касательно карьеры ковбой казался крайне категоричным кадром. Крой ковбойского кителя комбинировал, кроме кружевных каемочек, красочный корсет, карманы, крошечные кусочки конских косм, конопляные колосья; кривые конечности ковбоя кутали колготы.

Ковбой куснул купленное как-то крайне кстати крылышко консервированной куропатки, когда конкуренты кинулись критиковать классически кренящиеся книзу крашейе кусачей крапивою кудри ковбоя, который, кончив кромсать куропатку, крутясь, кувыркаясь, красноречиво кряхтя, колоритным контральто кричал какие-то кошмарные кровожадные клятвы, как-то касающиеся критиков; капитулировавшие конкуренты кривились - ковбойские крики казались какофонией. Кстати, когда ковбой кричал, колонны колебались; квалифицированные кадры, кидающиеся к качающимся коллекционным коллажам, казались китайскими клоунами-камикадзе.

Короче, ковбой, контуженный кусками колонны, кончил катастрофически кошмарно.

КАК, КРУТО?!.....

Объявляется новый конкурс

Аббревиатура – это сокращение длинного названия до первых букв. Всем знакомы такие аббревиатуры, как ВУЗ, ЖЭК, КГБ, ЭВМ, НЛО, КВН, США. Расшифровать всем известную аббревиатуру очень легко. Но когда встречается новая, незнакомая аббревиатура, приходится ломать голову: что же означает это сокращение. Попробуйте расшифровать такие аббревиатуры: РОМБ, КРУГ, ЗИГЗАГ, БУБЛИК, СИРОП, БАЛДА, ПОЛЕНО, ЧУР.

Материалы для газеты подготовил 9 "Г"

Вёрстка Балакиной Марины